

Анатолий Сидоренко: «Наша задача — наблюдать и подсказывать...»

Так позиционируют себя руководители Комитета Общероссийской общественной организации «Общество по защите прав потребителей образовательных услуг»: председатель Комитета профессор, доктор юридических наук Анатолий Сидоренко, заместитель председателя Виктор Панин и юрист Общества, доцент, кандидат педагогических наук Ирина Лазарева.

МЫ НЕУДОБНЫ ТЕМ, КТО НАРУШАЕТ ЗАКОНЫ

— Анатолий Савельевич, в прошлом году Обществу исполнилось десять лет. А как все начиналось?

— Начиналось без меня. В то время я был начальником Управления военного образования Министерства обороны и не предполагал, что когда-то займусь общественной работой. А пригласил меня на эту должность В. Шадриков, с которым мы были знакомы в бытность его заместителем министра образования. Приступил я к исполнению своих обязанностей в 2002 г.

Работа в Обществе велась, но была вялотекущей. На сегодня почти во всех регионах России мы имеем свои отделения, около сотни (это, конечно, мало) есть местных отделений по защите прав потребителей в сфере образования. Кто-то справляется лучше, кто-то хуже. Естественно, есть и проблемы, потому что работа строится на общественных началах. На сегодня энтузиастов трудится на этих условиях очень мало.

Если говорить о каких-то памятных моментах, то это связано прежде всего с тем положительным результатом, которого добиваешься, оказывая человеку помощь. Где-то кому-то не дают справку о переводе, где-то кого-то обманули при поступлении на ту или иную специальность, по которой у вуза нет лицензии, нет аккредитации, нет права обучения по той или иной программе. Начинаем разбираться, обращаемся во все инстанции и вызволяем из беды наших студентов. Мы также выявляем тех, кто совершает нарушения, предупреждаем их. В силу своих возможностей ведем и борьбу с коррупцией, особенно последние четыре года. И я бы сказал, что результаты есть. Могу привести один яркий пример. После публикации одной из моих статей посыпались звонки от ряда ректоров с обвинениями, мол, материал заказной. Я ответил, что никакого заказа нет,

мы знаем, что у вас в вузе берут взятки. Именно тогда наметились некоторые направления сотрудничества с Финансовой академией при Правительстве РФ, с Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) МИД России.

Ректор МГИМО (У) А. Торкунов при встрече отметил, что он сам активно борется с коррупцией, но готов принять и нашу помощь. Так и сказал: «Помогите!» Мы взяли под жесткий контроль вступительные экзамены и убедились, что внутри вуза нарушений нет, а вот за его стенами среди толпы родителей есть жулики, которые подходят и говорят: «Я могу помочь...» Совместными усилиями мы выявляли их. Но главное, что целеустремленный коллектив вуза помог нам во всем.

Удивляет позиция некоторых вузов, которые с трудом нас пускают или отказываются принимать на вступительные экзамены. Например, один саратовский вуз наотрез отказался пустить наших людей даже с местным министром образования. Напрашивается вывод: коль не пускают, значит, есть нарушения, есть чего бояться. Где легко пустили? Например, в Бауманке. Пожалуйста, проходите, смотрите, мы открыты. При всем уважении к Плехановке, там нас приняли только после вмешательства представителя Рособрандзора.

Наша работа состоит в том, чтобы, не вмешиваясь в процесс проведения экзаменов, просто наблюдать за их ходом и, четко зная Положение о приемных экзаменах, делать замечания, если нарушения налицо. Благодаря этому тщательнее контролируется этап проверки экзаменационных работ. Здесь мы внимательно следим за процессом кодирования, декодирования, где много тонкостей, за тем, чтобы не было дописок, исправлений. И если все делается строго по нашим рекомендациям, то фальсификация невозможна.

Надеемся, что в этом году нам удастся расширить фронт нашей деятельности в этой сфере за счет, конечно, грантов, и очень хотелось бы, чтобы это стало нормой нашего общества. Чтобы ректоры помнили, я об этом писал неоднократно, что вступительные экзамены должны быть открытыми, под контролем общественности. Но повторюсь, нас не везде понимают.

Это один момент. Второе, когда мы получаем информацию о том, что в вузе берут взятки, и это не редкость, мы направляем письма сначала ректорам, потом в прокуратуру, проверяйте, это не наша функция. Естественно, всем, кто предоставляет нам такого рода информацию, мы гарантируем конфиденциальность. Ведь понятно, что если мы, получив достоверные сведения, высветим студента, то последствия для него будут печальными. Поэтому никого не называем, но информацию проверяем.

— Вы делали какие-нибудь предложения по борьбе с коррупцией на государственном уровне?

— Конечно, являясь членом Общественного совета при Госдуме по борьбе с коррупцией, я вносил предложения, которые на сегодня созвучны с теми, что прозвучали из уст наших руководителей: открытость, доступность всякого рода информации и, конечно, контроль. Если у вас нечего скрывать, покажите. Не буду называть фамилии,

но в прошлом году дети некоторых высокопоставленных чиновников не поступили в МГИМО в связи с тем, что мы контролировали вступительные экзамены. Подготовлен — сдаешь. Все работы там письменные. И ничего сделать нельзя, все прозрачно. Преподаватели выполняют наше обязательное условие — проверяют работы только одной ручкой, красной. Да, там есть подготовительный факультет, да, преподавателям не запрещено заниматься репетиторством. Но это разные вещи.

В Законе «Об образовании» порядка 16 статей сегодня практически не работают, носят декларативный характер, а 10 статей, если не больше, носят коррупционный характер

— На вашем сайте есть информация, что 90% конфликтных ситуаций после вмешательства Общества разрешаются в досудебном порядке. А какие случаи входят в оставшиеся 10%?

— Сюда относятся ситуации, когда мы, например, обратились к ректору и предупредили его о нарушениях, если он не принимает меры, мы обращаемся в суд. Вот последние случаи.

Были организованы курсы обучения иностранному языку, взяли деньги, я бы сказал, очень большие деньги, пообещали, в частности, что слушатели поедут в Англию и т.д., но обещание не выполнили. Мы предупредили организаторов, что если они не вернут деньги добровольно, то мы будем изыскивать их в судебном порядке.

Один негосударственный вуз, не имея лицензии и аккредитации

на обучение по ряду образовательных программ, продолжал свою деятельность, мы предупредили руководство. Студенты начали требовать возврата денег, вуз отказывался отдавать. Мы обратились в суд — деньги вернули.

Иногда мы выступаем посредниками, например помогаем составить документы в суд.

И еще хочу рассказать об одной судебной тяжбе, которую мы, к сожалению, пока проиграли. Я имею в виду конфликт с Рособорнадзором по вопросу проверки у студентов так называемых остаточных знаний при проведении аккредитации того или иного вуза методом тестирования. Что это такое? Студент изучал на втором или третьем курсе, будем говорить условно, какие-то дисциплины, сегодня он на четвертом, комиссия приезжает и тестирует его по предметам прошлого года. Возникает вопрос, каковы критерии, определяющие уровень этих знаний? Кто заложил их в тесты? Специфика памяти студента со средними способностями такова, и все об этом прекрасно знают, сдал экзамен по предмету — и порядка 90% материала забыл. В нашем случае в результате проверки знаний прошлого года студент получает двойку, ему начинают угрожать исключением. Но на каком основании? Задача вуза, на мой взгляд, не дать знания на всю оставшуюся жизнь, а дать минимум знаний и методологию их добывания в будущем.

Следующий момент. Коль скоро вуз подлежит аккредитации, начинают натаскивать студентов по всем предметам, изученным в предыдущих семестрах, потому что никто не знает, по каким предметам будут проверять. То есть отрывают студентов от изучения текущих дисциплин. Почему? На каком основании? Студенты вправе заявить протест. Но особенности образовательного процесса в России таковы, что, в отличие от прав потребителей во всех остальных сферах, студент сам платит за образование и своими знаниями доказывает, что услуга выполнена

качественно. Таким образом, потребители образовательных услуг бесправны и по требованию руководства безропотно заново изучают прошлогодние предметы. В итоге, как говорят сами студенты, «мы не изучили, мы прошли...». В данной ситуации Рособннадзор показывает, как не надо делать. Суд мы, повторяю, проиграли, но считаем, что действия Рособннадзора в данном случае незаконны и, как минимум, антипедагогичны.

— **Анатолий Савельевич, какие проблемы студенчества обострились в связи с кризисом?**

— В первую очередь, это, конечно, трудности, связанные с оплатой за обучение. Многие студенты стали переводиться на вечерние отделения, то есть пошли работать, потому что родители не в состоянии им помогать. Но точной статистики здесь у нас пока нет. Высказывается мнение, что надо остановить рост платы за обучение, сохранить ее на уровне прошлого года. Мое мнение, лучше было бы, если бы студенты заключали договоры и вносили плату за обучение после того, как закончат вуз. Но наше общество пока в правовом плане находится не на самом высоком уровне, поэтому осуществить это на практике очень сложно. Здесь, правда, возникает вопрос о том, как быть в данной ситуации негосударственным вузам, которые существуют только за счет платы студентов за обучение? Мы пытались вмешаться, но на государственном уровне уже принято решение о том, что студентов-платников будут поддерживать. Поживем — увидим...

— **По данным Рособннадзора, на сегодня в России сокращено более 50 филиалов высших учебных заведений. Что будет со студентами?**

— Эту проблему мы обсуждали недавно на заседании в ФАС. Прежде всего хочу отметить, что на сегодня закона о защите прав студентов тех филиалов вузов, которые закрыли, к сожалению, нет.

Считаю, что в Закон «Об образовании» нужно срочно внести дополнения о защите прав потребителей образовательных услуг, которые обучаются на платной основе. Мы в данном случае мало чем можем помочь.

— **Общество по защите прав образовательных услуг — общественная организация, каковы основные формы взаимодействия с государством?**

— Они различны. В первую очередь, это участие в самых различных мероприятиях, в том числе в работе Комитета Госдумы и Совета Федерации по образованию. Наши представители, и я в том числе, выступаем, обсуждаем ту или иную проблему, озвучиваем свою точку зрения и т.д. Но я хотел бы подчеркнуть, что проблема защиты прав как таковая обсуждается редко, чаще поднимаются вопросы качества образования, считается, наверное, что это вовсе и не проблема. По-моему, это колоссальная государственная проблема, потому что в правовом плане до сих пор нет ни закона, ни подзаконных актов и т.д. Достаточно отметить, что в Законе «Об образовании» порядка 16 статей сегодня практически не работают, носят декларативный характер, а 10 статей, если не больше, носят коррупционный характер. И еще один момент: мы как общественная организация несколько неудобны, неудобны, если хотите. Мы неудобны тем, кто нарушает законы, жульничает. Вот почему активисты общества нежелательны во многих школах, вузах, органах управления образованием. И это притом, что на всех уровнях трубят о необходимости защиты прав потребителей образовательных услуг.

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ

Далее в нашем разговоре принял участие **Виктор Панин**, который в начале беседы заметил, что права и обязанности студентов прописаны в Законе «Об

образовании», есть они и в уставах высших учебных заведений, в других подзаконных нормативных правовых актах, которые, правда, не всегда соответствуют тому же закону, имеющему превентивное действие. «Самая главная проблема на сегодня — незнание студентами своих прав, неумение, а порой и нежелание этими правами пользоваться, — отметил Виктор Викторovich. — По моим оценкам, до 90% наших граждан незнакомы ни с Законом «Об образовании», ни с Законом «О защите прав потребителей» в части, связанной со сферой образования».

— **Виктор Викторovich, законы есть, но работают ли они?**

— К сожалению, далеко не всегда. Например, сегодня у нас очень много говорят о качестве образования, о том, что оно неумолимо падает, предлагают какие-то меры по его повышению... А люди в этот момент озабочены тем, что даже за деньги они чаще всего получают образование низкого качества, и что им при этом делать? Получается, статья в законе существует, но на практике не работает. Государственного контроля качества, как я понимаю, в нашей стране нет, либо оно присутствует формально. Это моя однозначная позиция.

Как известно, в Рособннадзоре, структуре, которая и создана,

чтобы осуществлять государственный контроль качества образования, есть энное количество экспертов, которые непосредственно занимаются этим вопросом, их около сорока человек на всю страну. Но способны ли они обеспечить должный контроль, ведь в их компетенцию входит проверка и дошкольных учреждений, и общеобразовательных, и средне-специальных, и высших учебных заведений? На сегодня это, наверное, самый актуальный вопрос. И пока мы не услышим на него ответ, причем ответ внятный, объективный, понятный всем, рассуждения на эту тему со стороны наших чиновников будут выглядеть, по меньшей мере, неуместными.

— Какие проблемы студенчества сегодня стоят наиболее остро?

— Их несметное количество. С развалом Союза командно-административная система лопнула, многие государственные вузы перестали существовать или приобрели новое качество, например стали частными. Естественно, максимальное количество площадей было задействовано под получение финансовых средств. Правда, во многом это была вынужденная мера, в первую очередь для государственных образовательных учреждений. Почему? Потому что, и все об этом прекрасно знают, какой на самом деле у нас была и остается ситуация с финансированием в системе образования. Да, за последние годы сделано много, в частности нацпроект «Образование» помог решить отдельные проблемы. Но если брать системно, то финансирование сферы образования до сих пор осуществляется, мягко говоря, в недостаточном объеме.

Эта ситуация во многом способствовала обострению проблемы с общежитиями, потому что площади у них фактически просто изымались. В итоге страдали, конечно, студенты, которые вынуждены были сами решать вопрос о своем размещении, даже

поступив в тот или иной конкретный вуз. И по сей день эта проблема остро стоит. Здесь есть и такой нюанс, как распределение имеющихся площадей не по назначению, например приедем. Но это скорее вопрос коррупционных проявлений. Безусловно, администрация, имея какой-то управленческий ресурс, иногда думает по большей части о том, как заработать деньги, порой даже не для вуза, а для себя конкретно, в свой карман. Да, такие факты имеют место быть. Но веское слово здесь должны сказать правоохранительные органы. И студентам не надо бояться обращаться с соответствующими заявлениями и к ним, и к нам в Общество. Мы в данном случае как юридическое лицо, как самостоятельная структура имеем полное

ЕГЭ действительно способствовало тому, что на уровне вузов мы нанесли по коррупции определенный удар. Но возникла другая проблема: коррупционный порог опустился до уровня школ

право быть заявителем. И для этого необязательно фигурировать кому-то из студентов.

Проблема в том, что у нас в стране студент не может отстаивать свои права во многом потому, что боится это делать. Ведь есть госпожа оценка, которая прямо или косвенно влияет на его активность/пассивность.

Мы встречались с руководителями практически всех крупнейших молодежных общественных организаций (Российский союз молодежи, Российская ассоциация профсоюзов студентов,

Студенческий парламентский клуб и т.д.), которые в один голос утверждают, что ничего здесь сделать не могут, подчеркивая при этом, что если они только попытаются открыть рот, то завтра уже не будут учиться в вузе, или у них появятся проблемы, которые нужно будет долго и безнадежно решать.

То есть с точки зрения защиты своих прав студенты даже в массовом порядке не могут ничего изменить. Яркий тому пример — конфликт на социологическом факультете МГУ. Сколько копий было сломано! Ну и что? В итоге от неблагонадежных студентов потихонечку благополучно избавились, создали им такие невыносимые условия, что они вынуждены были уйти, других вариантов у них просто не осталось. Если проводить аналогию с рынком труда, то их добровольно-принудительно уволили, точнее, они уволились по собственному желанию.

Следующая актуальная проблема — перевод с платного отделения на бюджетное. Инициативу озвучил президент Д. Медведев в русле тех идей, которые родились на волне экономического кризиса. Все мы прекрасно понимаем, что в результате сложившейся экономической ситуации в стране и в мире за бортом могут оказаться студенты-платники. По последним экспертным оценкам, их около 700 тыс. Страшно представить, что такая армия молодежи, социально активных людей может быть выброшена на улицу... В связи с этим руководство нашей страны озадачено; идеи о недопущении самого худшего имеют место быть. И я, несомненно, их поддерживаю. Но от идеи до ее реализации может пройти немало времени.

С точки зрения юридической, на данный момент перевод с платного отделения на бюджетное сделать практически невозможно. Сначала в срочном порядке должны быть внесены изменения в Закон «Об образовании», в другие нормативно-правовые акты. Когда это будет сделано, тогда можно будет говорить об этом как о свершившемся

факте. Пока это только на уровне инициативы, пусть даже поддержанной президентом и обществом. Расторопность здесь должны проявить, в первую очередь, Госдума, Совет Федерации, то есть наши законодатели.

— **Как вы относитесь к идее, выдвинутой Федеральной антимонопольной службой, — о страховании в сфере образования?**

— Здесь важно понимать, что образование — очень специфичная сфера. Приведу пример. В Законе «О защите прав потребителей» есть статья, касающаяся качества предоставления платных услуг. Платные образовательные услуги тоже подпадают под действие данного закона. Так вот, в этой статье сказано, что потребитель, получивший некачественную услугу и доказавший это, вправе потребовать ее качественного исполнения в определенный срок. Я понимаю, когда это касается неправильно подбитого каблука... Но в нашем случае происходит следующее: студент отучился в вузе, неважно в каком, государственном или негосударственном, приходит устраиваться на работу, а ему говорят: «Слушай, мы тебя не возьмем, ты закончил вуз, который у нас в черном списке, вас там ничему толковому не учат». Выпускник идет в суд и доказывает, что получил некачественное образование по вине образовательного учреждения. Хочется спросить чиновников: человеку в этом случае нужно снова сесть за парту, чтобы ему дали качественное образование? Кто подумал о том, что это в принципе неприемлемо? И кто как-то отразил это в законе? Никто!

В связи с этим я отношусь с большой осторожностью к вышеназванной идее. Хочется, чтобы, *во-первых*, она не превратилась в профанацию с точки зрения юридической практики, потому что здесь все должно быть четко прописано в законе. Должны быть предусмотрены все варианты развития ситуации, правовые

последствия от всех возможных действий. *Во-вторых*, мои опасения связаны еще и с тем, чтобы это не вызвало очередную волну недопонимания, недовольства со стороны наших граждан. Здесь можно провести аналогию с Законом «Об ОСАГО», по которому государство переложило ответственность по многим страховым случаям на плечи автовладельцев. Не хотелось бы повторения ситуации. Но я почему-то уверен, что образовательные учреждения автоматически переложат эту нагрузку на плечи студентов, так что здесь есть над чем подумать...

Некоторый опыт у нас уже есть. Я имею в виду кредитование. В нашей стране кредитование вообще, а в образовании в частности, это, на мой взгляд, непредсказуемый процесс, своего рода рулетка, по большей части с нехорошим концом. Понятно, что, *во-первых*, отдавать приходится всегда больше, чем брали; *во-вторых*, берешь чужие деньги, а отдаешь свои. Ну и, *в-третьих*, наши процентные ставки далеки от мировых, притом что доходы наших граждан тоже не на уровне мировых, то есть ставки больше, а зарплаты меньше. Здесь явная пропасть. Поэтому вопрос о кредитовании для каждого скорее стратегический. То есть кредит — не выход из ситуации,

а в сфере образования — это еще и крайне высокий риск.

— **Возможно ли в нашей стране победить коррупцию?**

— Борьба с коррупцией в образовании, я считаю, на сегодня крайне востребована и, на мой взгляд, возможна через такие общественные организации, как, например, наша: имеющие свою структуру, определенную базу, количество экспертов, в том числе волонтеров. Это непросто, но возможно. Почему? Потому, что на нас крайне сложно влиять. Мы независимы от каких-то государственных структур в этом плане, мы можем вести диалог открыто, озвучивать проблемы и предлагать пути их решения, с которыми могут не соглашаться, вообще их не воспринимать, правда, это не всегда получается.

Поэтому нашим государственным деятелям лучше с такого рода организациями вести диалог и выстраивать партнерские взаимоотношения, тем более что мы делаем одно благое дело, только с разных сторон. Чиновники обладают властью на основании тех прав и обязанностей, которые они имеют в соответствии с законом, проводят государственную политику, а мы в силу общественной направленности нашей деятельности осуществляем своего рода наблюдение,

вмешиваемся в процесс, высказываем свое мнение по поводу тех или иных позиций наших государственных структур. То есть общественное мнение действительно, оно крайне важно. Мировая практика показала, что без учета общественного мнения ни в одной стране невозможно выстроить социально ориентированную политику.

Но тем не менее считаю, что победить коррупцию на 100%, в частности в образовании, невозможно. В любой стране мира, какой бы экономически развитой и демократичной она ни была, коррупция в той или иной степени, к сожалению, присутствует. Вопрос в допустимости, терпимости, если можно так сказать, общества к уровню коррупции. В России крайне высокий уровень коррупционности, недопустимо высокий. Поэтому во многом идеи единого государственного экзамена и нашли поддержку в высших эшелонах власти. Другое дело, как это будет реализовано.

— Вы лично сторонник или противник ЕГЭ?

— Не хочу давать каких-то резких оценок по поводу ЕГЭ. Почему? Потому, что у любой медали две стороны. Не буду скрывать, с одной стороны, я склоняюсь к мнению Председателя Совета Федерации С. Миронова, который критикует ЕГЭ и утверждает, что это ошибка, во многом непродуманный шаг, за который нам придется долго расплачиваться. С другой — считаю, что ЕГЭ действительно способствовало тому, что на уровне вузов мы нанесли по коррупции определенный удар. Но возникла другая проблема: коррупционный порог опустился до уровня школ. Вот где, на мой взгляд, будут происходить основные нарушения, вот где коррупция вырастет до невероятных размеров. Поэтому с этой точки зрения борьба с коррупцией вряд ли принесет плоды, так как количество школ в разы превышает количество вузов. И, конечно, число экспертов Рособрнадзора, как мы уже говорили, непропорционально

по сравнению с количеством учебных заведений. Фактически мы отдаем эту проблему на откуп субъектам Российской Федерации, а практика показала, что на местах не всегда занимаются этими вопросами, а если и занимаются, то стараются не выносить сор из избы или попросту закрывают на многое глаза.

Поэтому общественность может и должна играть здесь активную роль. Есть соответствующее положение об организации системы независимых наблюдателей в пунктах приема ЕГЭ. Если наши граждане активно включатся в эту работу, то у многих появится надежда, что объективность возможна. Главная задача для всех нас, чтобы у нас скорее проснулась сознательность. В других странах этим в основной своей массе занимаются волонтеры, труд которых не оплачивается, но люди исполняют

В законе отсутствуют какие-либо механизмы реализации прав заказчика в случае некачественного исполнения услуг

его по зову сердца. У нас это пока не принято, волонтерское движение, к сожалению, практически не развито. В связи с этим свою задачу мы видим в том числе и в том, чтобы проводить разъяснительную работу с населением, давать конкретные сведения по защите своих прав. Считаю, что просветительская деятельность здесь очень важна.

ИНАЧЕ КАК РЫНОК НАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ НЕ НАЗОВЕШЬ

— Ирина Анатольевна, о чем говорит информация, поступающая сегодня в Комитет Общества?

— Она убедительно свидетельствует, что потребители образовательных услуг — самая незащищенная категория потребительского рынка. И неважно, на какой основе они обучаются: бюджетной или платной. Заказывая услугу в сфере образования, потребитель, к сожалению, обязан сам отчитываться за качество ее исполнения. Вопреки аксиоме товарного рынка, где «потребитель всегда прав», на рынке образовательных услуг (а иначе как рынок наше образование сегодня не назовешь) — «преподаватель всегда прав». Именно здесь начинаются коллизии. Субъективный подход преподавателя к оценке знаний обучающегося, методы обучения подчас приводят к печальным результатам для последнего. Кроме того, заказчик, получая услугу впервые, не в состоянии оценить ее качество. Только спустя определенное время, приступив к реализации полученных знаний на практике, выпускник осознает, что его учили не тому и не так. Но, как говорится, «поезд ушел», диплом получен. Договорные отношения с исполнителем закончились. Как доказать, что его не тому учили? Кто поможет?

Статья 29 ФЗ «О защите прав потребителей» предусматривает защиту прав потребителей при обнаружении недостатков при

оказании услуг. И потребитель вправе предъявить требования, связанные с недостатками оказанной услуги, если они обнаружены в пределах двух лет со дня оказания услуги. При этом он вправе потребовать безвозмездного устранения недостатков, возмещения понесенных расходов по устранению недостатков оказанной услуги, а также соответствующего уменьшения цены оказанной услуги. Кроме того, ст. 32 Закона РФ «Об образовании» устанавливает ответственность образовательного учреждения за качество образования своих выпускников, а ст. 49 предусматривает возмещение ущерба, причиненного некачественным образованием. Но как доказать, по чьей вине образовательная услуга выполнена некачественно, если в образовательном процессе участвуют как минимум два субъекта — студент и преподаватель? Здесь можно констатировать, что в законе отсутствуют какие-либо механизмы реализации прав заказчика в случае некачественного исполнения услуг.

С другой стороны, заказчик зачастую сам готов быть жертвой и согласен на любые условия со стороны исполнителя, лишь бы получить диплом об окончании образовательного учреждения, сдать без особых усилий зачет или экзамен. Эту особенность умело используют недобросовестные исполнители на протяжении всего периода обучения заказчика. Несмотря на заключение договора об оказании платных образовательных услуг, исполнитель постоянно, под любыми предложениями стремится дополнительно получить плату за оказываемую услугу. При этом на выпускных курсах цена достигает апогея.

Например, в Комитет Общества обратились родители студентки одного из престижных вузов Москвы. У их дочери были отличные оценки по английскому, но родители решили, что этих знаний мало. Как только преподаватель узнал об этом, сразу же появились плохие оценки. В беседе с родителями

он прямо сказал, что дополнительно английским нужно заниматься только у него. Эксперты нашей организации предложили родителям разобратся в сложившейся ситуации. Они согласились, но с условием, что их фамилия нигде не будет звучать, поскольку это повлияет на дальнейшую учебу дочери.

— Что, на ваш взгляд, является **причиной взяточничества?**

— В первую очередь, двусторонняя заинтересованность участников образовательного процесса: взяточника — в лице преподавателя, декана, руководителя образовательного учреждения, и взяточника — родителей, студентов.

По данным ЮНЕСКО, за 2008 г. объем взяток в образовательной сфере составил около 0,5 млрд долларов. Российские эксперты установили цифру — около 1 млрд долларов в год. По мнению наших экспертов, суммы взяток значительно вырастут в образовательных учреждениях, которые имеют военные кафедры.

Статьей 16 ФЗ «О защите прав потребителей» установлено, что исполнитель не вправе без согласия потребителя (заказчика) выполнять дополнительные услуги за плату. Потребитель вправе отказаться от оплаты такой услуги. Но в сфере образования эта статья не работает. Попробуйте студент возразить против заключения договора на увеличение стоимости обучения, — отметила И. Лазарева, — ему тут же предложат расторгнуть договор. Попытка перейти в другой вуз, где обучают по той же специальности, но по цене, устраивающей заказчика, обойдется студенту, как минимум, потерей года обучения. Исполнитель под любым предлогом затянет выдачу заказчику документов, подтверждающих его обучение в данном вузе. А без академической справки в другое образовательное учреждение перевестись невозможно.

— **С какими неприятностями чаще всего сталкиваются студенты-платники?**

— Заказчик часто попадает в ловушку уже на этапе заключения договора платных образовательных услуг. Так, согласно ст. 9 ФЗ «О защите прав потребителей», ст. 16 Закона РФ «Об образовании» и ст. 11 ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» информация о наличии или отсутствии у образовательного учреждения лицензии на право осуществления образовательной деятельности по той или иной специальности и свидетельству о государственной аккредитации, а также иных документов, регламентирующих образовательный процесс, должны быть вывешены в доступном для заказчика месте. Заказчик ставит подпись на договоре о том, что перед подписанием договора он ознакомлен с этими документами. Но, как правило, заказчик подписывает договор, не акцентируя внимания на столь существенных моментах, как, например, отсутствие аккредитации на выбранную им специальность. Проучившись несколько лет в вузе, выясняется, что поскольку нет аккредитации, выпускник не получит диплом государственного образца, а деньги уже уплачены и вернуть их даже через суд будет очень сложно.

Поскольку образование стало бизнесом, руководители многих образовательных учреждений стремятся любой ценой заработать на этом. И тут, естественно, не до качества, не до соблюдения законов, которые легко обойти. Пути борьбы есть. Это и массовое просвещение потребителей образовательных услуг, и огромное желание руководителей образовательных учреждений «навести порядок в своем доме», и открытая борьба родителей и студентов, общественности за качественное образование без взяток, и практическое, а не словесное желание органов государственной власти всех уровней поднять качество образования, ведь от этого зависит будущее страны. Но кому-то это невыгодно...